

Юрий Хардигов

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИСТАНИЩЕ ПОЭТА

Вся жизнь Клюева в ссылке – невыносимые тяготы и страдания. Опубликованные «сибирские письма» поэта рисуют точную картину положения ссыльных в тридцатые годы. Человек глубоко одаренный, обладающий высоким интеллектом, он был вынужден терпеть произвол и насилие властей, переносить презрение и хамство окружающих его людей. И это только за то, что поэт имел свои убеждения, мысли, чувства, не нравившиеся Диктатуре, создавшей «грозный орган».

Вот некоторые выдержки из писем Клюева:

«Теперь я в своей комнатухе среди чужих людей, которым я нужен, как собаке пятая нога. День и ночь лежу, сегодня первый раз сполз к столу и, обливаясь потом от слабости, пишу Вам... Тоскую невыразимо, под несметными избяными мухами – лежу в духоте, давно без бани, вымыть некому, накормить тоже. Левая рука висит плетью. На ногу ступаю маленько. Она распухла, как корчага».

«Анна Исаевна – моя хозяйка по квартире, властная базарная баба, – взялась меня кормить за 75 р. в месяц. На исходе месяца начинают справки: получил ли я перевод и т. п. Следом идут брань, придирки. Очень тяжело. Слез моих не хватает. И я лежу, лежу... С, как бревно, ногой, с изжелта-синей полумертвой рукой».

«Мороз под сорок. Я без валенок, и в базарные дни мне реже удается выходить за милостыней. Подадут картошку, очень редко хлеб. Деньгами от двух до трех рублей...»

Все эти письма относятся к периоду жизни Николая Алексеевича по пер. Красного Пожарника, 12.

В одном из своих последних писем В.Н. Горбачевой поэт сообщил новый адрес жительства в Томске: Старо-Ачинская, 13. Томский период жизни Николая Клюева удалось дополнить некоторыми существенными деталями.

В центре Томска есть уникальное место – Белое озеро. Если пройти через сквер на противоположную сторону от памятника космонавту Н.Н. Рукавишникову и углубиться в узкую улочку старого города, то через несколько минут ходьбы вы окажетесь у невысокого, ладно срубленного дома по улице Старо-Ачинской, 15 (ранее – 13. – Ю.Х.).

До сего времени ничего не было известно о последних месяцах жизни поэта в Томске, о людях и доме, проводивших его в «жизнь вечную».

Писатель Алексей Иванович Шеметов был одним из тех, кто навестил поэта перед его последним арестом. Вот что он вспоминает: в довольно просторной прихожей его встретила приветливая женщина. «Вы к Николаю Алексеевичу? – спросила она. – Подождите немного, он занят».

Шеметов стал ждать. Вскоре из комнаты вышел священник. Через некоторое время вышел второй священник, а за ним – Клюев. Он был в косоворотке, руки у него, как у Толстого, просунуты под ремешок, которым он был подпоясан. В комнате, куда его пригласил поэт, он увидел на столе полдюжину французских булочек (их еще называли сайками) и тарелку с яйцами. Видимо, священники подкармливали бедствующего поэта.

Они долго говорили. Николай Алексеевич рассказывал начинающему литератору о писательском труде, требующем глубокого знания языка и культуры. Возможно, этот разговор и стал определяющим в судьбе Алексея Шеметова – он стал писателем.

Но что же это за дом, в котором провел свои последние дни поэт? Кто его приветливая хозяйка?

Мне удалось найти и выслушать сына тогдашней хозяйки дома по улице Старо-Ачинской, 13 – Сергея Васильевича Балакина. Ему 74 года, но удивительно ясная память сохранила мельчайшие подробности, детали его общения с Николаем Алексеевичем Ключевым.

Сергей Васильевич нарисовал план их квартиры, комнаты, которая была выделена Ключеву. Обозначил место, где стояла его «варшавская кровать» с панцирной сеткой.

Вот его некоторые воспоминания: «Я вернулся из армии, радостно ворвался домой. Увидев меня, мама очень обрадовалась, но тут же предупредила: веди себя по-тише. У нас живет интеллигентный человек, писатель. Он очень болен.

Мама по профессии была медработником. Она ухаживала за больным Николаем Алексеевичем, давала ему лекарства, купала в большой деревянной ванне.

Николай Алексеевич носил серый пиджак, брюки навыпуск, косоворотку. Были у него валенки с азиатскими галошами. Левую руку он почти не вытаскивал из кармана: она была парализована.

Еду ему подавали в комнату. Он любил борщ и овсяный кисель, которые мама ему готовила. После завтрака он подолгу работал, писал, а после обеда отдыхал: читал нам стихи, ходил на Ушайку. По воскресеньям обедали все вместе, усаживаясь в комнате за большим столом. Иногда Николай Алексеевич любил готовить сам».

Сергей Васильевич задумывается, мысленно возвращаясь к тем далеким дням: «А знаете, как он читал стихи?! И какие это были стихи. Я очень любил его слушать. Он читал мне свои поэмы «Львиный хлеб», «Привет тебе, Анастасия».

В строчках, которые Ключев написал в Томске и которые вспомнил Сергей Васильевич, поэт представил ошельмованную, повергнутую Россию, оторванную от своих исконных земель, и уничтоженного крестьянина:

От Москвы до Аляски – кулацкий обоз.

Сломанные косточки, крови горсточки...

О том, что Ключев написал в Томске четыре поэмы, он сообщает в письме В.Н. Горбачевой: «*Передайте ему, что я написал четыре поэмы...*».

Строчки ключевских стихов вспоминала и В.В. Ильина, знавшая поэта в Томске и помогавшая ему материально: «Ты, Беломорский Свет-канал. Тебя Ефимушка копал, тебя копала тетка Фекла – тут вся земля от слез промокла». А вот как, с ее слов, рассказывал Ключев о причинах своего ареста и ссылки в Сибирь: он был сослан за саботаж собственной музе. За то, что перестал писать и печататься.

Дважды работники НКВД изымали рукописи Николая Ключева. Первый раз (при аресте в 1936 году) и второй раз (при аресте в 1937 году) у него были изъяты четыре тетради. Найти их пока не удалось.

Хочется немного рассказать о семье Балакиных, которые приютили поэта в последние месяцы его жизни, где Ключев обрел теплоту русских сердец. Они и проводили его в печальную дорогу.

Мария Алексеевна Балакина, в девичестве Зоркальцева, родилась в селе Зоркальцево под Томском. Ее муж Василий Петрович Балакин был советским специалистом-инженером: работал заведующим мельницей на паровом котле, начальником электростанции. После гражданской войны под его руководством за три месяца был восстановлен золоторудник «Онон» в Забайкалье.

Василий Петрович в 1926 году трагически погиб вместе с маленьким сыном Женей. Они поехали за зарплатой рабочим, и на обратном пути их убили, чтобы забрать деньги.

После смерти мужа и ребенка Мария Алексеевна с двумя детьми – Лизой и Сергеем – переехала в Томск. В ее доме и провел последние месяцы до ареста Николай Ключев.